

в основном были взяты из названных нами источников, однако в нескольких случаях, помеченных звездочкой, были указаны не зафиксированные ранее, а сконструированные универбаты.

Всего было собрано 290 анкет. Для каждого универбата вычислялся процент выбравших именно этот вариант (сумма по каждому из исходных слов могла не быть равной 100 %, так как допускалось более одного ответа).

Оказалось, что в целом все *ка*-универбаты гораздо более привлекательны для носителей языка, чем остальные слова: их выбрали от 45 до 94 % респондентов. Напротив, лишь от 3 до 45 % респондентов выбирали не *ка*-универбат. Интересно, что тип усечения – при отсутствии суффиксации – в меньшей степени повлиял на выбор респондентов, например, процент выбравших *ижсы* и *ижоры* (улица Ижорского батальона) одинаков.

Таким образом, выбирая тип наименования для уже названного, иными словами, участвуя в акте реноминации, носители языка все же отдают предпочтение определенной форме, а именно, материальному форманту (суффиксу *-к(а)*). На наш взгляд, именно форма как яркое внешнее проявление компрессии языковой единицы заставляет лингвистов выделять универбацию – этот специфический словообразовательный прием, в котором тесно переплетаются морфология и синтаксис.

**А. Н. Лундышева**

#### ХАРАКТЕР ПРОИЗВОДЯЩЕЙ БАЗЫ И ЕЕ УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССАХ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО И РУССКОГО СЛЕНГА

Под производным характером производящей базы в данном исследовании в соответствии с общераспространенным употреблением этого термина в дериватологии подразумевается ее словообразовательная производность.

В абсолютном большинстве случаев процесс морфологической деривации в анализируемых языках задействует непродуцируемые базы (75,2 % в американском сленге; 71 % в русском сленге): *fiveer* ‘a five-year prison sentence’; *квартирник* ‘рок-концерт, проходящий на квартире у кого-то’.

Полученные данные на материале субстандарта соотносимы с общей тенденцией в ЛЯ: словообразовательные производные менее активны в словообразовании, чем структурно простые единицы.

Производные базы задействованы морфологической деривацией в обоих языках в меньшем объеме (24,8 % в американском сленге; 29 % в русском сленге): *bubblegumer* ‘a young adolescent’; *безвыходняк* ‘безвыходное положение’.

Анализ отдельных способов морфологической деривации с точки зрения вовлечения в процесс номинации простых/производных баз свидетельствует о том, что в американском и русском сленге отмечены несколько разные тенденции<sup>1</sup> (таблица).

---

<sup>1</sup> Из рассмотрения исключались базы, образованные сложением в силу их двусоставного характера.

Простой/производный характер базы  
в рамках отдельных способов морфологической деривации, %

Способ морфологической деривации	АС		РС	
	базы		базы	
	простые	производные	простые	производные
Конверсия	65,7	34,3	19,7	80,3
Аффиксация	94,3	5,7	78,5	21,5
Сокращение	58,5	41,5	47,8	52,2

Как видно из приведенной таблицы, основные отличия в анализируемых языках касаются процесса конверсии. Так, в американском сленге в рамках данного способа морфологической деривации отмечена тенденция, характерная для всей морфологической деривации в целом: в качестве производящих баз несколько шире представлены непроезводные лексические единицы (65,7 %): *to knock* ‘to criticize’ → *knock* ‘adverse criticism’. Производные базы задействованы конверсией в меньшем объеме в американском сленге (34,3 %): *to knock down* ‘to introduce’ → *knockdown* ‘an introduction to a person’.

В русском сленге, в отличие от американского, конверсия чаще задействует производные базы (80,3 %): *блат* ‘общее название всего преступного’ → *блатной* ‘принадлежащий к преступному миру’ → *блатной* ‘вор’. Указанное различие обусловлено, на наш взгляд, спецификой моделей конверсии в анализируемых языках. Так, в американском сленге шире распространена модель  $V \rightarrow N$ ; при этом в качестве глагольной производящей базы, как и в литературном языке, чаще задействованы односложные слова с простой морфологической структурой: *swipe, bash, knock, yarp, biff, boff, flub, mooch, prang, puke, squawk, stash, whop* и т.п.

В русском сленге, в отличие от американского, абсолютное большинство конверсивов образовано по модели  $Adj \rightarrow N$  (при этом задействованы в основном относительные прилагательные, являющиеся производными), а также модель  $Participle \rightarrow N$ , что обуславливает производный характер многих производящих основ: *жгучий, корельский, бакинский, баксильная, бановая, найковские, затыренное, зачуханный, натыренное, нефартовый* и др.

Общей тенденцией американского и русского сленга является тот факт, что в подавляющем большинстве случаев процесс аффиксации задействует простые базы (94,3 % и 78,5 %, соответственно): *dead* ‘no longer alive’ → *deader* ‘an exhausted person’; *достать* → *достатчик* ‘надоедливый человек’.

В рамках сокращений в американском сленге в качестве производящих баз также несколько шире представлены непроезводные лексические единицы (58,5 %) (*nigger* → *nig* ‘a Negro’), чем производные (35,6 %) (*trank* ‘a tranquilizer’).

Отличительной чертой русского сленга является небольшой перевес непроизводных баз (*характер* → *хак* ‘слабохарактерный человек’) по сравнению с производными (*ОБЖ* ‘общество беременных женщин’) в рамках сокращений (52,2 % и 47,8 %, соответственно). Небольшое преобладание производных баз в рамках сокращений в русском сленге отчасти обусловлено тем фактом, что такой тип сокращений, как аббревиация, изначально формально мотивированный словосочетанием, представлен несколько шире в русском, чем американском сленге (20,1 % и 12,2 % от общего числа сокращений, соответственно): *ОБХСС* ‘обеспечение безопасности хищений социалистической собственности’; *ЧП* ‘частная практика’.

Таким образом, морфологическая деривация в обоих языках шире задействует непроизводные производящие базы. В то же время анализ отдельных способов морфологической деривации свидетельствует о том, что в них отмечены разные тенденции. Если в рамках аффиксации, сокращения и сложения шире представлены простые базы в обоих языках, то в рамках конверсии отмечены межъязыковые отличия: в отличие от американского в русском сленге в подавляющем большинстве случаев конверсивы образованы от производных баз.

## Лю Пэн

### КИТАЙСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА 上 SHàng И ЕЕ КОРРЕЛЯТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В 1970-е годы американский лингвист Рональд У. Лангакер, один из основоположников когнитивной лингвистики, предложил теорию «грамматики пространства», в которой основное внимание уделяется вопросам соотношения языка и пространственных категорий. Впоследствии эта область широко исследовалась на материале западноевропейских языков. Данная проблематика привлекает внимание и китайских лингвистов, которые изучают в когнитивном аспекте особенности репрезентации пространственных категорий в китайском языке по сравнению с западноевропейскими языками.

Описывая пространство, говорящие используют языковые единицы с пространственным значением, служащие для ориентации. Такие единицы представлены во всех языках. В частности, как утверждает В. Эрих, языковой универсалией являются средства для обозначения полярных полюсов «верх – низ», «спереди – сзади». В китайском языке такими единицами являются 上 *shàng* ‘верх’, 下 *xià* ‘низ’, 前 *qián* ‘спереди’, 后 *hòu* ‘сзади’. Количество единиц для обозначения этих полюсов в русском и китайском языках существенно отличается. Например, в русском языке полюс «верх» можно обозначить при помощи как минимум трех предлогов (*над, сверху, поверх*) и целого ряда наречий типа *наверху, вверху, вверх* и т.п. То же касается